

ПРИНЦИПЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНЕ А. ФАДЕЕВА «РАЗГРОМ»

К. РАЦЕВИЧЮТЕ

Вторая половина 20-х годов, когда была завершена работа над романом «Разгром», ознаменовалась ожесточенными теоретическими спорами о принципах изображения человека. А. Фадеев как один из руководителей РАППА — инициатора дискуссии, принимал в этих спорах активное участие. Опыт писателя, накопленный во время работы над романом, без сомнения, сказался в теоретических выводах, как и они оказали влияние на его художественную практику. Поэтому литературно-критическое наследство Фадеева помогает нам постичь своеобразие его художественных принципов, и, в свою очередь, художественную практику писателя следует учитывать, изучая его теоретические взгляды.

Проблема изображения человека никогда не рассматривалась Фадеевым обособленно, изолированно, а всегда связывалась с проблемой становления нового метода: «Пролетарская литература, впитывая все наиболее ценное из старого литературного наследства, должна будет дать обобщенные типы «живых людей» по-новому, новым художественным методом, соответствующим мировоззрению пролетариата»¹. В поисках того принципиально нового подхода к изображению человека Фадеев в первую очередь обратил внимание на его общественную сущность: «Мы не можем брать человека как некую одиночку, независимо от целого, в котором он находится»². Поэтому Фадеев выдвигает основное требование: «последовательно и правильно показать человека как продукт известной общественной среды»³, объяснить его характер, исходя из общественных отношений.

Принцип социальной детерминированности не только утверждался Фадеевым в его теоретических работах, но и стал основополагающим в его художественной практике, в построении образов романа «Разгром». Чтобы показать человека как продукт общественной среды, необходимо было отчетливо определить его принадлежность к конкретной социальной среде, установить социально-классовое лицо героя. Социальная характеристика героев «Разгрома» как бы растворена в художественной ткани произведения. Фадеев вводит своих героев в действие, не излагая истории их жизненного пути, но все-таки то одна, то другая деталь прошлого проскальзывает в воспоминаниях героев, в их мечтах. Эти

¹ А. Фадеев. Собр. соч. Т. IV, М., 1960, 51.

² Там же, с. 11.

³ Там же, с. 11.

беглые образы прошлого играют значительную роль в системе художественных средств создания характера и подчинены единой цели — выяснению социально-классового облика героев. Так, например, из короткого разговора Бакланова с Мечиком в разведке мы узнаем о трудном детстве героя из бедной рабочей семьи. Ранняя трудовая жизнь, забота о младших братьях («До того я на судостроительном работал, пока братишка не подрос...») и тайная недостижимая мечта — гимназия («— Да-а ... Гимназия... я тоже мальцом хотел да уж такое дело...»)⁴ [51]. Эти скудные сведения о прошлом героя мало говорят нам о личности самого Бакланова, ибо Фадееву не так важно передать черты его характера, выявить особенности морального облика, как определить то место, которое занимал в обществе его герой до прихода в партизанский отряд, выяснить социально-классовую принадлежность.

Такой четкой социальной определенностью отличаются все герои романа, как главные, так и второстепенные. В драматическом повествовании о разведке и казни Метелицы участвуют два незначительных персонажа — маленький пастушок и его хозяин. Уже во внешнем облике хрупкой фигуры пастушка, возникшей перед глазами Метелицы, содержится социальная характеристика («худенький», «штанишки с просвечивающими голыми коленками», «убогий, с хозяйского плеча пиджак» [80]). Впоследствии Фадеев вводит в разговор Метелицы с пастушком несколько деталей, благодаря которым эта социальная характеристика становится еще отчетливее. Мы узнаем, что парнишка пасет хозяйских коней, что он «уже полгода как сирота», потому что «тятюху у меня казаки вбили, а мамку изнасилили и тоже вбили, и брата тоже...» [81]. Одновременно бедственный вид мальчишки, жалкое платье, худоба, ворованная картошка, которой он угощает Метелицу, характеризуют в общих чертах и хозяина, чьих коней мальчишка пасет. В дальнейшем социальной принадлежностью совершенно закономерно мотивируется их поведение во время казни партизана Метелицы. Как видим, даже дети не лишены у Фадеева социальной характеристики, определяющей их поведение. Однако этим ее роль исчерпывается только в отношении второстепенных и эпизодических персонажей. Социальная определенность главных героев приобретает в романе гораздо большее значение — в ней содержится завязка образа изображаемого характера. «В романе «Разгром» я стремился дать более или менее обобщенные образы людей, — писал Фадеев, — создать такие фигуры, чтобы в каждой из них воспроизвести не только того или иного человека эпохи гражданской войны, но и дать сгущенный социально-психологический образ»⁵. Поэтому закономерно, что основное внимание писателя направлено на изображение типических социально-классовых черт, и именно они являются основой изображаемого характера, вокруг которой уже группируются и которой определяются все остальные черты. Поэтому человек в романе А. Фадеева действительно предстает как продукт известной общественной сре-

⁴ А. Фадеев. Разгром. М.-Л., 1928, с. 51 (далее все сноски на это издание даются в тексте).

⁵ А. А. Фадеев. Собр. соч. Т. IV, М., 1960, с. 104.

ды, как личность, выражающая основные тенденции и возможности своего класса.

Принцип последовательной социальной детерминированности характера является основополагающим в построении образов всех главных героев романа. Наиболее явно и как бы нарочито подчеркнуто выступает социальная детерминированность в образе Морозки. О Морозке сам автор сказал, что «это и по замыслу и по объективному ходу произведения — главная фигура романа»⁶. Морозка представляет собою всех тех, кто, поднявшись «из подлинных корней революции, из миллионных масс народа, закаляется, растет, развивается в этой борьбе»⁷. Подчеркнутое внимание к социальной определенности данного героя чувствуется уже в том, что выступает она не в форме разрозненных образов прошлого, как у других героев, а дана прямо и исчерпывающе от лица автора: «Морозка был шахтер во втором поколении. Дед его — обиженный своим богом и людьми сучанский дед — еще пахал землю, отец променял черномом на уголь.

Морозка родился в темном бараке у шахты № 2, когда сильный гудок звал на работу утреннюю смену» [5]. В дальнейшем рассказе о прошлом Морозки Фадеев отбирает такие факты из его жизни, которые характерны для всей социальной группы в целом. «В этой жизни Морозка не искал новых дорог, а шел старыми, уже выверенными тропами. Когда пришло время, купил сатиновую рубаху, хромовые, бутылками, сапоги и стал ходить по праздникам на село в долину... Когда пришло время, Морозку посадили в затхлый, пропахший онучами и клопами полицейский участок... Когда пришло время, уехал на фронт — попал в кавалерию» [5]. Как видим, даже сама форма рассказа («когда пришло время») подчинена тому, чтобы сосредоточить внимание на типичности судьбы героя.

Во всем дальнейшем развитии образа Морозки Фадеев в первую очередь отмечает проявление типического, определяемого социально-классовой принадлежностью. Так уже первый совершенный им поступок (спасение раненого Мечика) говорит о присущей ему солидарности, товариществе, то есть о свойствах, в высшей степени характерных для рабочего класса, сплоченного общим трудом и борьбой. Даже низменные поступки Морозки, например, кража дынь, объясняются его принадлежностью к «угольному племени», условиями жизни на руднике, «всей этой тяжелой бессмысленной гульбой и работой». Социально-классовая определенность характера прослеживается даже в проявлении интимных чувств, в частности, — в чувстве любви. Помирившись с женой, Морозка хочет поцеловать ее, «но он постыдился, потому что парни на руднике редко ласкали девушек, а только сходились с ними» [100]. Такое последовательное проведение социальной детерминированности в изображении характера было сознательным и принципиальным для Фадеева в 20-е годы. Это подтверждают и записные книжки писателя. В 1927 г., «работая над планом романа «Провинция», Фадеев делал наброски

⁶ А. А. Фадеев. Собр. соч. Т. V, М., 1960, с. 365.

⁷ А. А. Фадеев. Собр. соч. Т. IV, М., 1960, с. 103.

к образам будущих героев. «Мишка Степуренко обязательно **рабочий**, а «добрый» — интеллигент»⁸, — первое, что записывает Фадеев себе. И только четко определив социальную принадлежность героя, в соответствии с ней разрабатывает дальнейший план образа: «Очевидно, сочетание этой более примитивной, не разработанной (благодаря недостаточной образованности) психики с **определенной классовой принадлежностью** — особенно к рабочему классу (ибо внутренняя противоречивость выходца из **мелкой буржуазии** как раз задана его социальным происхождением), — есть первая причина, почему мой центральный **рабочий** герой из «Провинции» прост, непосредствен, естествен в обращении с другими людьми»⁹.

Значение этих заметок не ограничивается подтверждением сознательного и целенаправленного внимания Фадеева к классовой определенности характера. Они помогают нам понять, почему доминирующая роль принципа социальной детерминированности не приводит в творческой практике Фадеева к однообразию героев, представителей одной социальной группы, не нивелирует их, не превращает человека в классовой ярлык. Изображение характера в «Разгроме» не исчерпывается и не завершается раскрытием социально-классовой психологии. Классовая сущность только определяет характер, предстает своеобразной доминантой его, а конкретное проявление каждого образа уже в рамках заданного направления зависит от индивидуальных свойств данной личности, от темперамента, умственных способностей, интеллекта, жизненного опыта, возраста и т. д. То есть, социальные свойства личности, хотя и доминируют, но не изолированы, не отчуждены от других ее сторон, и определенная классовая принадлежность только в сочетании, во взаимосвязи с определенной индивидуальной психикой обуславливает в конечном итоге характер героя. В связи со сказанным, уместно вспомнить, что в статье «Столбовая дорога пролетарской литературы», анализируя отражение общественных связей в психике человека, трудности раскрытия данного процесса Фадеев видит в том, что эти связи находят отражение в психике человека, которая «сама по себе чрезвычайно многообразна, индивидуальна»¹⁰. Преломление типических, социально-классовых черт через индивидуальные особенности каждой данной личности и является залогом неповторимого своеобразия фадеевских героев, даже представителей одной социально-классовой группы.

Эта особенность изображения психологии в «Разгроме» хорошо видна на образах Дубова и Гончаренко. Оба они представляют самую сознательную часть рабочего класса, поэтому им присуща общность черт, определенных классовой психологией: высокая сознательность, дисциплинированность, чувство ответственности, умение делать свое дело. Фадеев показывает своих героев через ограниченный, но столь характерный для рабочего человека круг взаимоотношений с окружающим — отно-

⁸ А. А. Фадеев. Собр. соч. Т. IV, М., 1961, с. 100.

⁹ Там же, с. 104.

¹⁰ А. А. Фадеев. Собр. соч. Т. IV, М., 1960, с. 11.

шение к труду, к товарищу (Морозке.). Гончаренко и Дубов в равной степени умело выполняют любую работу, в равной степени трудолюбивы, и на страницах романа мы всегда видим их занятыми делом. Оба они одинаково серьезно относятся к будущему Морозки: они искренне стремятся помочь товарищу освободиться от всего, что несовместимо со званием шахтера (выступление на собрании, беседы во взводе).

Общность этих образов, вызванная социальной детерминированностью, еще усиливается сходством, не зависящим от классовой принадлежности. Оба героя внешне очень похожи — отличаются могучим телосложением и незаурядной физической силой.

Однако обилие общих черт не делает эти образы тождественными. Вследствие особенностей индивидуального психического склада даже эти черты проявляются по-разному. Так, например, оба гордятся своей принадлежностью к пролетариату, но чувство классового достоинства у Дубова предельно обострено, и ревностная забота о чистоте шахтерского звания придает ему даже своеобразный оттенок оригинальности. «В глубине души Дубов полагал, что звание шахтера самое высокое и почетное, какое только может носить человек на земле. Теперь он был уверен, что его взвод опозорил и себя, и сучанский рудник, и все шахтерское племя, по крайней мере до седьмого колена» [40].

Особенно отчетливо это различие раскрыто Фадеевым в изображении выступлений на сходке, когда обсуждалось поведение Морозки. Хотя ими руководят одинаковые чувства: обоим близок Морозка «свой парень», оба огорчены его поступком и хотят проучить его и других, — выступление Дубова совершенно не похоже на речь Гончаренко. Уже первые слова Дубова, прозвучавшие с «глухой и сдержанной силой», всех насторожили. В дальнейшем Дубов оказался не способным сдерживать целиком овладевшее им чувство гнева и, увлекшись, забывает о своем же намерении «проучить... чтоб другим неповадно было» и предлагает даже выгнать Морозку. Гончаренко же очень сдержанно и спокойно добивается цели; возмущение не лишает его способности обдумать и взвесить свои слова.

Герои не только не похожи, но прямо противоположны по темпераменту, по способу проявления своих чувств. Удивительно спокойный Гончаренко и в самые критические минуты не теряет самообладания. Ходит он «крепким, размашистым шагом», каждое движение его больших узловатых рук осмысленно и точно. А импульсивный Дубов показан Фадеевым чаще всего во власти сильного чувства, когда он «мечется как пойманный зверь» и многим приходится страдать от его безжалостных кулаков.

Различаются они и в других аспектах. Так Гончаренко, несомненно, умнее Дубова. Явное его превосходство, способность шире и логичнее мыслить, показаны Фадеевым в споре о мужиках, когда он последовательно и обстоятельно опроверг рассуждения Морозки и Дубова. К тому же Гончаренко отличается от простодушно грубоватого Дубова душевной деликатностью и добротой. Именно он пытается уладить конфликт

между Левинсоном и кривым парнем, он разнимает дерущихся, даже после разгрома находит в себе силы, чтобы утешать других.

В результате изображения этих индивидуальных особенностей Дубов и Гончаренко предстают перед нами как образы вполне оригинальные, хотя в чем-то самом существенном (классовая определенность) они и близки между собой. Раскрывая взаимодействие социально-классовых черт с индивидуальными особенностями характера, Фадеев создает возможность многообразного преломления классовой сущности. Сравнение образов Кубрака и Метелицы — представителей крестьянства, Чижа и Мечика — представителей мелкобуржуазной интеллигенции и других позволяет нам утверждать, что такой подход к изображению человека является для Фадеева закономерным.

Однако индивидуальное своеобразие героев достигается не только варьированием личных особенностей в сочетании с определенной классовой психологией, но и тем, что само содержание классовой сущности предстает у Фадеева многообразным. То есть, степень осознания себя представителем определенного класса и готовности защищать его интересы не одинакова у героев, представляющих в «Разгроме» одну социальную группу. Например, Морозке, вследствие социальной детерминированности, наиболее отчетливо сказавшейся в этом образе, естественно присущи те же социально-классовые черты, что и Дубову, и Гончаренко, но Фадеев настойчиво подчеркивает стихийный характер проявления этих чувств, что связано с менее развитым классовым самосознанием. В начале Морозка даже не понимает, какой бессмысленной и бесчеловечной была его жизнь в шахтерском поселке. («Жизнь действительно была веселой») [5]. Побуждаемый чувством классовой солидарности, он, как и Дубов, и Гончаренко, уходит защищать советы, но сам не понимает, что же побудило его уйти в партизанский отряд: «Он все делал необдуманно: жизнь казалась ему простой, немудрящей, как кругленький муромский огурец с сучанских баштанов. Может быть, поэтому, забрав с собой жену, ушел он в восемнадцатом году защищать советы» [5]. Фадеев подчеркивает, что Морозка любит в разговоре напоминать о своей принадлежности к угольному племени («По-простому тебе скажу, по-шахтерски!...» [4], «... только слово дать могу ... шахтерское, уж это верное будет» [23]), он гордится шахтерским званием, но начисто лишен сознательной заботы о сохранении его чести, столь характерной для Дубова.

Таким же неосознанным показано и чувство классовой вражды, испытываемое Морозкой к Мечiku: «Он не сознавал, что дело обстоит именно таким образом, и не мог бы выразить это **своими** словами, но он всегда чувствовал между собою и этими людьми непроходимую стену из натащенных ими неизвестно откуда фальшивых крашенных слов и поступков» [62].

Уровень классового самосознания личности накладывает свой отпечаток и на проявление ее индивидуальных особенностей. И Дубов, и Морозка несдержаны в проявлении чувств, но если сознание долга помогает Дубову обуздать свой темперамент, то Морозка не умеет владеть собой. Вспомним хотя бы «поминки», которые устроил Морозка по

своему любимому коню. Это различие отчетливо выявляется Фадеевым в эпизоде, когда Левинсон приказывает голодным партизанам остановиться на ночлег. Дубов, осознавая необходимость поддержать авторитет командира, пытается скрыть свое раздражение: «Он вернулся, раздраженный, стараясь однако не показать этого. — В разведку Метелица едет, ночевать здесь будем, — сказал сдержанно, но в голосе его слышно для всех клокнули злые, голодные нотки» [72].

Морозка же дает волю своему негодованию, так как подобные сообщения ему чужды. «Вот язви его в свет, в бога мать!» [72] — присоединяется он к возмущению партизан.

В «Разгроме» социальная детерминированность не завершает характера, не лишает его подвижности, ибо социально классовые черты раскрываются в процессе формирования и развития. «Огромнейшая переделка людей», становление нового человека показаны Фадеевым в первую очередь как становление классового самосознания личности. Раскрытие этого процесса Фадеев определил «как первую и основную мысль романа». Наиболее полно и как бы нарочито обнаженно она воплощена в образе Морозки. Последовательная и всесторонняя социальная детерминированность в изображении этого героя подчеркивает типичность и социальную значимость происходящих в его характере изменений.

В процессе становления классового самосознания меняется весь характер Морозки, весь строй его чувств, даже интимных. Изменение сознания героя, понимание им жизненных закономерностей и отношения к классовой борьбе прослежено Фадеевым наиболее детально. Чтобы отчетливо раскрыть этот процесс, Фадеев время от времени возвращает Морозку к воспоминаниям о прошлом, и изменяющаяся их оценка показывает сдвиги в его сознании.

В начале романа в воспоминаниях Морозки Фадеев не только рисует типическую картину жизни рабочего парня («в двенадцать лет Морозка научился вставать по гудку, катать вагонетки, говорить ненужные, больше матерные слова и пить водку» [5] и т. д.), но и дает ее оценку герою: «... жизнь казалась ему простой, немудрящей, как кругленький муромский огурец с сучанских баштанов» [5]. Крайне низкий уровень сознания, проявляющийся в этих суждениях, был характерен для Морозки до прихода в партизанский отряд. Такое ограниченное понимание жизни сформировано типическими обстоятельствами («Жил, как все» [35]), поэтому оно присуще и многим другим представителям «угольного племени» в отряде. Именно поэтому и любят Морозку во взводе и рады его возвращению: «Да... пора, пора уж... — говорил Дубов. — Это хорошо, что ты снова к нам присмыкнулся. А то испохабел вовсе — заржавел, как болт неприткнутый, из-за тебя срам...»

Все соглашались с тем, что это хорошо, но по другой причине: большинству нравилось в Морозке как раз то, что не нравилось Дубову [39]. Однако старого опыта, накопленного в «жизни как все», явно не хватает в новых условиях — в партизанском отряде. Уже первое столкновение с классово чуждым Мечиком вызывает «непривычно тяжелые

думы» о том, «что жизнь, становится хитрей, старые сучанские тропы зарастают, приходится самому выбирать дорогу» [12].

Во второй раз Морозка предается воспоминаниям после ссоры с Мечиком и разрыва с Варей. Под впечатлением нанесенной обиды он переосмысляет свою жизнь. «Морозка разворошил давнишнюю слежавшуюся пыль воспоминаний и обнаружил, что это совсем не веселый, а очень безрадостный, проклятый груз» [36].

Теперь Фадеев уже только напоминает о недавнем отношении Морозки к своим воспоминаниям («когда все казалось ему простым и ясным») и тем самым акцентирует внимание на изменении восприятия героем прошлого. Оно представляется ему «очень безрадостным, проклятым грузом». Морозка начинает осознавать бесчеловечность своей жизни, но он еще не способен мотивировать перемену в ее оценке.

В тяжелых условиях отступления партизанского отряда, после смерти Фролова, измученный ревностью Морозка в третий раз возвращается к тем же воспоминаниям-думам: «Морозка чувствовал себя обманутым в прежней своей жизни и снова видел вокруг себя только ложь и обман. Он не сомневался больше в том, что вся его жизнь от самых пеленок,— вся эта тяжелая бессмысленная гульба и работа, кровь и пот, которые он пролил, и даже все его «беспечное» озорство — это не радость, нет, а беспросветный каторжный труд, которого никто не оценил и не оценит» [64].

От беспечного воспоминания: «жизнь действительно была веселой» до этих размышлений сознание Морозки проделало колоссальную работу. Первый этап становления героя завершился. Он осознал бесчеловечность и несправедливость своего существования и необходимость бороться за новую жизнь. Фадееву важно подчеркнуть последовательность этого процесса, и он вновь перечисляет основные этапы переосмысления жизни героем: «Все те запутанные, надоедливые мысли, которые впервые родились в нем, когда он жарким июльским днем возвращается из госпиталя, и кудрявые косари любовались его уверенной кавалерийской посадкой,— те мысли, которые с особенной силой овладели им, когда он ехал по опустевшему полю после ссоры с Мечиком, и одинокая бесприютная ворона сидела на покривившемся стогу,— все эти мысли приобрели теперь небывалую мучительную яркость и остроту [64]». Эти повторения как бы обнажают весь процесс и свидетельствуют о том, что Фадеев стремился быть максимально ясным и понятным в изображении становления сознания героя. Он нарочито обращает внимание на то, как тяжело и мучительно протекает такое кардинальное переосмысление жизни. Герой чувствует себя «обманутым в прежней жизни», заброшенным и одиноким.

Изменения в сознании, участие в революционной борьбе рожают в герое новые чувства и переживания. Исследуя формирование новых черт, Фадеев в первую очередь обращает внимание на те чувства, которые проявляются в сфере общественной жизни человека. Подробно раскрывается, как впервые приобретенный опыт организации масс пробуждает в герое чувство собственного достоинства, осознание значительности своей личности (эпизод на переправе), детально прослеживается,

как меняется отношение Морозки к своим поступкам, как он начинает постигать общественное значение своего поведения (обсуждение на сходке за кражу, раскаяние после пьянства и осуждение себя за недостойное партизана поведение).

Новые черты показаны Фадеевым в стадии формирования. Они непривычны еще и самому герою, собственное поведение кажется ему немотивированным, непонятным. Морозка, попав в эту сумятицу, хотел было, по старой привычке («для смеху»), попугать еще сильнее, но почему-то передумал и, соскочив с лошади, принял ее успокаивать. «И охота брехать тебе, никаких там японцев нету,— перебил вконец осатаневшую бабу,— расскажет тоже: «га-азы пушают...» Какие там газы? Корейцы, может, солому палили, а ей га-азы...

Мужики, забыв про бабу, обступили его, он вдруг почувствовал себя большим, ответственным человеком и, радуясь необычной своей роли и даже тому, что подавил желание «попугать»,— до тех пор опровергал и высмеивал росказни дезертиров, пока окончательно не расхолодил собравшихся» [37].

Как видим, мотивы поведения «по старой привычке» ясны герою («для смеху»), новые же в своем поведении Морозка еще неспособен объяснить («но почему-то передумал»). Однако торжество новых, подлинно человеческих эмоций радует его и надолго оставляет приятное воспоминание («напоминание это было приятно»).

Фадеев очень бережно подмечает любое проявление новых черт, оттеняя и подчеркивая, что это действительно новое, впервые проявившееся в поведении героя, впервые испытанное им: «Дубов и не подозревал о сложных Морозкиных переживаниях. А Морозка, не получая поддержки, исходил зловеющей тоской и знал, что скоро запыет, если не удастся рассеяться на горячем деле. Первый раз в жизни он сам боролся со своими желаниями, но силы его были слабы» [49].

Становление нового, подлинно человеческого Фадеев пытается проследить и в сфере интимных чувств. Меняется отношение Морозки к жене. Писатель запечатлевает, как в Морозке пробуждается чувство любви, как он впервые испытывает потребность в нежности и ласке и даже хочет приласкать жену, но новые чувства еще тяжело находят форму выражения: «Он вдруг шагнул к ней и, неловко обняв ее, прижался к ее лицу своей неумелой щекой. Она почувствовала, что ему хочется поцеловать ее, и ему действительно хотелось, но он постыдился» [100].

Процесс становления нового человека не завершается на страницах романа. Морозка гибнет, когда формирование новых черт в его характере только начинается. Героической смертью Фадеев утверждает в нем все то прекрасное и подлинно человеческое, что получило развитие в условиях революции. Осознание своего долга, чувства любви и преданности к своим товарищам побудили Морозку пойти на смерть: «он ясно понял, что никогда не увидит ему залитой солнцем деревни и этих близких, дорогих людей, что ехали позади него. Но он так ярко чувствовал их в себе, этих уставших, ничего не подозревающих, доверившихся ему людей, что в нем не зародилось мысли о какой-либо иной возможности для себя, кроме — возможности еще предупредить их об опасно-

сти... Он выхватил револьвер и, высоко подняв его над головой, чтобы было слышнее, выстрелил три раза, как было условлено...» [106].

В эволюции нового человека Фадееву было важно не только показать изменение его сознания и чувств, но и раскрыть все факторы, обуславливающие этот процесс. Поэтому в «Разгроме» большое внимание уделено изображению условий формирования характера. Морозка поставлен Фадеевым в исключительно тяжелые обстоятельства: жизнь в преследуемом врагами партизанском отряде еще осложняется тяжелыми переживаниями, вызванными разрывом с женой, враждой с Мечником, гибелью любимого коня и т. д. Переживания нарушают душевное равновесие героя, самоуспокоенность. Он становится более уязвимым, более восприимчивым к окружающей жизни. Этим психологически мотивируется интенсивность процесса переосмысления жизни, а также изменения сознания и чувств. Фадеев показывает, что все сколько-нибудь значительные события в жизни отряда находят свой отклик в сознании героя.

Умирает Фролов. Морозка «в числе других равнодушно закапывал его могилу» [63], но сам факт смерти партизана, давно тяжело раненного и уже исчерпавшего весь запас сострадания окружающих оставил след в сознании Морозки. Однако обнаруживается это позже, и выражается в характере его раздумий о собственной жизни. «Он с неведомой ему — грустной, усталой, почти старческой — злобой думал о том, что ему уже двадцать семь лет, и ни одной минуты из прожитого нельзя вернуть, чтобы прожить ее по-иному, а впереди тоже не видно ничего хорошего, и он, может быть, очень скоро погибнет от пули, не нужный никому, как умер Фролов, о котором никто не пожалел» [64].

Большое влияние на становление героя оказывает его соприкосновение с революционной действительностью, участие в классовой борьбе. Активное участие Морозки в жизни партизанского отряда требует от него напряжения всех духовных и физических сил. Повседневные события побуждают героя проявлять мужество и решительность (спасение Мечника), развивают сознательность и организаторские способности (эпизод на переправе), активизируют чувства товарищества и солидарности (отношения со взводом Дубова), требуют высокого осознания революционного долга (героическая смерть).

Однако опыт участия в классовой борьбе не всегда сразу дает свои положительные результаты и оказывает непосредственное влияние на сознание и чувства героя, как например, это раскрыто в рассмотренном нами эпизоде на переправе. Процесс становления нового происходит медленно и почти незаметно. Отношение героя к событиям в жизни отряда окончательно определяется только через некоторый промежуток времени. Фадеев подробно не раскрывает процесс осмысления происходящего. Мы знакомимся только с теми выводами, к которым приходит герой. Вначале кажется, что обсуждение на сходке не оставляет значительного следа в сознании Морозки, но проходит время и он, мысленно возвращаясь к этому событию, окончательно осознает его значение в своей жизни: «Картина сходки, когда он чуть не вылетел из отряда, внезапно встала перед глазами, и сразу что-то защемило. Морозка

только теперь почувствовал, что это событие было, может, самым важным для него за последний месяц — гораздо важнее того, что произошло в госпитале» [37].

Раскрытие условий формирования нового человека не ограничивается в «Разгроме» исследованием того влияния, которое оказывает на него революционная действительность. Не менее значительным фактором в процессе становления нового сознания, по мнению Фадеева, являются отношения человека с окружающей средой. В своей статье «Столбовая дорога пролетарской литературы» Фадеев определяет эти отношения как «чрезвычайно сложный диалектический процесс взаимодействия человека со средой», в котором «человек подвергается одновременному воздействию самых различных классов, что находит отражение в его психике»¹¹. Посредством тонкого психологического анализа Фадеев раскрывает в романе весь этот сложный механизм взаимодействия человека с окружающей средой. Хотя понятие среды ограничено в «Разгроме» участниками одного партизанского отряда, однако все они являются представителями разных социальных групп. А. Бушмин в монографии о «Разгроме» отметил, что в романе Фадеева представлены все основные социальные группы, принимающие участие в революции: «Система образов «Разгрома», взятая в целом, отразила реально-типическое соотношение основных социальных сил нашей революции. В ней участвовали: пролетариат, крестьянство и интеллигенция, руководимые Коммунистической партией. Соответственно этому в «Разгроме» показаны: «угольное племя», идущее в авангарде борьбы, мужики и интеллигенция в ее положительных (Сташинский) и отрицательных (Мечик) типах, большевик-командир Левинсон»¹¹.

В партизанском отряде все герои романа, представители разных социальных групп, вынуждены повседневно общаться. Они в большей или меньшей степени оказывают друг на друга влияние. Степень этого влияния неодинакова и неравнозначна. Так, например, если в Мечике лучшие люди отряда Левинсон, Бакланов, Варя укрепляют веру в свои силы, внушают желание изменить образ жизни, могут даже побудить к решительным действиям (убийство японского солдата во время разведки с Баклановым), то общение с Чижом и Пикой пробуждают в том же Мечике эгоистические инстинкты.

Весь этот механизм взаимодействия героя с окружающей средой очень детально раскрыт Фадеевым в образе Морозки. На развитие его личности влияют почти все герои романа. Писатель рисует разнообразные связи Морозки с окружающими, но особенно тщательно выписывает отношения с Гончаренко, Левинсоном и Мечиком — наиболее полно воплотившими черты определенных социальных групп. По силе влияния на Морозку на первом месте оказывается Гончаренко — человек того же социального строя. «Гончаренко был свой в доску», то есть такой же шахтер, поэтому мог понимать Морозку и ему можно было доверять. Уважение к Гончаренко внушает Морозке его незаурядная физическая

¹¹ А. Бушмин. Роман А. Фадеева «Разгром», Л., 1954, с. 47.

сила («Здоровый ты, холера») и умение хорошо, споро работать,— качества особо ценимые в рабочей среде. Но более всего импонирует Морозке ум Гончаренко («Умный черт,— думал Морозка, сбоку поглядывая на Гончаренку и проникаясь все большим уважением к нему» [72]). Ум, сознательность — это те качества, которых так не хватает самому Морозке. Чувство взаимной близости, ощущение бескорыстного дружелюбия со стороны Гончаренко делает Морозку более восприимчивым к влиянию подрывника. «Благодаря ежедневному общению с ним Морозка начинал думать, что сам он, Морозка, тоже исправный партизан: лошадь у него в порядке, сбруя крепко зачинена, винтовка вычищена и блестит как зеркало, в бою первый и надежнейший, товарищи любят и уважают его за это. И думая так, он невольно приобщался к той осмысленной здоровой жизни, какой, казалось, всегда живет Гончаренко» [72]. Именно поэтому воздействие Гончаренко на процесс становления характера Морозки значительно и глубже даже того влияния, которое оказывает на него командир отряда Левинсон, единственный, кто вполне сознательно и целенаправленно стремился повлиять на этот процесс.

Левинсона Морозка уважает не меньше, чем Гончаренко, ибо «как и всем в отряде, командир казался Морозке необыкновенно правильным человеком. Но так как жизненный опыт подсказывал ему, что правильных людей не существует, то он старался убедить себя, что Левинсон, наоборот, величайший жулик и «себе на уме». Тем не менее он тоже был уверен, что командир «все видит наскрозь» и обмануть его почти невозможно: когда приходилось просить о чем-либо, Морозку испытывал странное недомогание» [38]. Однако Левинсон представитель друтого класса, и Морозка чувствует в нем нечто чужое, не понимает его. («Жулик. Все жиды жулики», ... «надоели нездешние глаза Левинсона»). Ощущение непонятной силы, заставляющей его подчиниться, настораживает Морозку, заставляет внутренне как бы сопротивляться влиянию Левинсона. Поэтому командир отряда вынужден воздействовать на Морозку через других, опосредованно. Не случайно то обстоятельство, что коммунист Левинсон, раскрытый Фадеевым не только как руководитель, но и как воспитатель, ни разу не пытается словом, убеждением подействовать на Морозку. Вспомним хотя бы суд над Морозкой, явно сознательно, в воспитательных целях организованный Левинсоном, на котором сам Левинсон, однако, не выступал, ограничившись тем, что незаметно направлял ход чужих рассуждений. И именно выступления представителей «угольного племени», Дубова и Гончаренко, особенно сильно подействовали на Морозку. Те же воспитательные цели преследует Левинсон, когда освобождает Морозку от обязанностей ординарца и возвращает в шахтерский взвод. Что такой метод воздействия был вынужденным и не является характерным для Левинсона, нам доказывают его отношения с другими партизанами, например, с Баклановым. Здесь влияние Левинсона было прямым, непосредственным.

Отношения Морозки с Мечиком тоже носят классовый характер. Фадеев настойчиво подчеркивает, что враждебность, испытываемая Мо-

розкой к Мечику, объясняется не личными мотивами, ревностью, а принадлежностью последнего к чуждому и враждебному социальному слою. «Сказать правду, спасенный не понравился Морозке с первого взгляда. Морозка не любил чистеньких людей. В его жизненной практике это были непостоянные, никчемные люди, которым нельзя верить» [7].

Ревность к Мечику вспыхивает в Морозке уже как следствие именно этой, классовой вражды и только усугубляет ее. Морозка знал и раньше, что жена гуляет в его отсутствие также, как гуляла в девках. Но если он всегда относился к этому с полным безразличием, то «мысль, что любовником его жены может быть такой человек, как Мечик, показалось ему сейчас очень обидной» [33]. Отношения с Мечиком тоже существенно влияют на процесс становления сознания Морозки, но влияют лишь опосредованно, через Варю. То, что его жена выбрала «этого чистенького», очень больно задевает Морозку и заставляет впервые всерьез задуматься о самом себе и о своей жизни. Однако Фадеев показывает, что хотя в итоге этих мучительных раздумий и происходит решительный сдвиг в сознании Морозки, он приводит лишь к осознанию «что вся его жизнь от самых пеленок,—вся эта тяжелая бессмысленная гульба и работа, кровь и пот, которые он пролил, и даже его «беспечное» озорство — это не радость, нет, а беспросветный каторжный труд, которого никто не оценил и не оценит» [64].

Процесс же формирования новых, подлинно прекрасных черт в Морозке происходит исключительно под влиянием таких героев, как Левинсон и Гончаренко. Следует сказать, что такой и была объективная роль представителей партии и рабочего класса в процессе воспитания нового человека в годы гражданской войны.

Как видим, Фадеев исследует степень и характер того влияния, которое оказывают его герои, представители разных классов на процесс формирования сознания. Эти влияния скрещиваются и сталкиваются в душе героев. Так, столкновение с Мечиком, личная драма, переживаемая Морозкой, выводит из равновесия его душевные силы. Осознание бессмысленности прожитой жизни заставляет искать новые дороги и, в свою очередь, делает Морозку более восприимчивым к влиянию Левинсона. Стремительное сближение Морозки с Гончаренко в какой-то степени определялось этими же поисками новой дороги в жизни и ощущением безысходного одиночества после разрыва с Варей. Происходит сложный диалектический процесс взаимодействия человека с окружающей средой.

Процесс формирования нового человека так детально прослежен только на образе Морозки. Но характеры других героев романа тоже не лишены подвижности. Хотя на страницах произведения процесс становления нового в них не раскрыт, Фадеев указывает на те изменения, которые претерпевал характер за пределами изображаемых событий. Поэтому все герои даны как бы в соотношении с процессом формирования нового человека. Так, Фадеев указывает, что в прошлом Гончаренко прошел такой же сложный путь становления сознания, как и Морозка.

Не раскрыт и сложный путь формирования характера Левинсона. Мы только узнаем, каким он был в далеком прошлом. Как менялся его характер мы все-таки можем предположить по аналогии с тем процессом, который раскрыт в юноше Бакланове.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что принципы изображения человека в «Разгроме» отражали новизну жизни, насыщенной классовой борьбой. На этом пути Фадеев утвердил разнообразие человеческого содержания в классовом, раскрыв процесс становления классового самосознания, диалектику классового и общечеловеческого.

Анализ романа дает возможность понять, насколько был прав Фадеев-теоретик, защищавший новаторство советской литературы.

Январь, 1973

*Шяуляйский пединститут
им. К. Прейкшаса*

ZMOGAUS VAIZDAVIMO PRINCIPAI A. FADEJEVO ROMANE „SUTRIUŠKINIMAS“

K. RACEVICIUTĖ

Re z i u m ė

Žmogaus vaizdavimo problemą A. Fadejevas visuomet siedavo su naujo metodo formavimusi ir todėl ieškojo naujo principinio jos sprendimo. Pirmiausia jis reikalavo nuoseklios socialinės-klasinės charakterio determinacijos. Šis principas buvo esminis ir A. Fadejevo romane „Sutriuškini-mas“. Tačiau minėtame kūrinyje rašytojas neapsiriboja vien tik socialinės-klasinės herojų psichologijos atskleidimu. Klasiniai bruožai dominuoja veikėjų paveiksluose, bet jie neizoliuojami nuo kitų individualių asmenybės savybių ir, tik susipindami su jomis, nulemia herojaus charakterį. Tokiu būdu A. Fadejevas pasiekia, kad herojai būtų saviti, išvengia schematizmo. Be to, veikėjų individualią elgseną suponuoja ir nevienodas klasinės savi-monės laipsnis. A. Fadejevo herojai nėra susiklostę charakteriai: rašytojas ypač detaliai pavaizduoja klasiinės sąmonės formavimąsi, atskleidžia tuos faktorius, kurie turėjo įtakos šiam procesui.

THE PRINCIPLES OF SHOWING MAN IN A. FADEYEV'S NOVEL "THE ROUT"

K. RACEVICIUTĖ

S u m m a r y

A. Fadeyev always connected the problem of showing man with that of the formation of the new method, that's why he always tried to find a new principle in solving it. First and foremost he insisted on consequent social-class determination of a character. This principle was the essential

one in Fadeyev's novel "The Rout". But the author did not restrict himself only to the revealing of his characters' social-class psychology. The class features are domineering in them, but they are not isolated from other individual qualities, and together with them determine the character of a personage. In that way Fadeyev had achieved the individualization of his characters, avoided schematism. Besides, the individual behaviour of his characters is determined by a different level of their class consciousness. A. Fadeyev's personages are not persons with accomplished characters: the author showed the formation of their class consciousness in detail, revealed the factors by which the process had been influenced.